

Предисловие к публикации

Юрий Владимирович Сементовский, мой дед с материнской стороны, – доктор геолого-минералогических наук, заслуженный деятель науки Республики Татарстан, участник Великой Отечественной войны. В нашем семейном архиве сохранился большой комплекс документов, позволяющих восстановить этапы его жизненного пути и научной деятельности. Часть из них уже опубликована – военные мемуары «Незабываемые дни», фронтовой дневник, переписка 1943–1944 годов, связанная с АККУКС (артиллерийскими Краснознаменными курсами усовершенствования командного состава) в г. Семенове – их можно найти в разных рубриках «Открытого текста».

«История моей жизни» – собственное жизнеописание Юрия Владимировича, к которому он приступил в последний отрезок своей жизни. К сожалению, довести задуманное до конца он не успел – ушел из жизни в 2003 году, отметив 90-летний юбилей. Автор явно не рассчитывал на то, что когда-нибудь его записки станут достоянием гласности – писал для ближайших родственников. Однако этот исторический документ представляет определенный интерес и с точки зрения бытовой истории столетней давности, и в плане географии (Петроград – Урал – Казань).

Повествование охватывает два первых десятилетия жизни Ю. В. Сементовского. Ранее детство совпало с Гражданской войной, о которой в его памяти сохранились лишь смутные воспоминания. (До сих пор многое из событий тех лет остается белым пятном в нашей семейной истории.) Повествование доведено до 1933 года, когда заканчивался его первый год учебы на геологическом факультете Казанского университета.

Текст публикуется в авторской редакции, я посчитала необходимым лишь сопроводить его фотографиями из семейного архива и подстрочными примечаниями.

Татьяна Вадимовна Кучерова,
февраль 2023 года

***

Юрий Владимирович Сементовский (1913–2003)

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Никогда я не писал жизнеописательных дневников (полевые дневники в экспедициях – не в счет). Но здоровье уже давно не позволяет не только активно работать в поле, но и регулярно посещать институт (ЦНИИгеолнеруд) даже при сокращенном рабочем дне (с 1992 г.) и месяце (в 2002 г.), а все заделы уже использованы, да подводит и зрение. Поэтому «писать мемуары» остается единственным занятием после окончательного расставания с институтом.

Ю.В. Сементовский. Июль 2002 года

Родился я 30 апреля (13 мая) 1913 г. в г. Санкт-Петербурге, в доме мастера-краснодеревщика Афанасия Эрастовича Соколова, его дочери Марии Сементовской. Отец – Владимир Сементовский, сын священника Петропавловской церкви Миасского завода на

Урале – Николая Петровича – работал в Казанском университете (лаборант – приват-доцент – профессор). В названной церкви 18 июня (1 июля 1913 г.) меня окрестили в православную веру. Надо сказать, что это событие никакого влияния на мою последующую жизнь не оказало: я не помню, чтобы меня когда-либо заставляли носить на гайтане нательный крестик или совершать какие-либо религиозные обряды.

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ, ЗА 1913 ГОДА.

Счетъ родившихся.		Мѣсяцъ и день	Имена родившихся.	Званіе, имя, Отчество и фамилія родителей, и какому вѣроисповѣданію.	Званіе, имя, Отчество и фамилія восприимника.	Кто совершилъ таинство крещенія.	Ръкоприклад- ствующіе запис- аны.
209	-	30. 18.	Юрій въ честь Великомуч. 23-го апреля.	Потомственный дворянинъ Митрофанъ Михайловичъ Савельевъ, лаборантъ Казанскаго Университета, Владиміръ Николаевичъ Семшовскій и законная жена его Марія Аоанавна Савельева, оба православныя.	Потомственный дворянинъ Михаилъ Николаевичъ Семшовскій и дочь Стаскаго каноника Савельева Владиміра Александровича Мирова.	Св. священникъ Петръ Ивановичъ Савельевъ и дьяконъ Гавриилъ Александровичъ Мировъ.	Міаскаго завода Петропавловской церкви Протодьяконъ Александръ Момышевъ.

1913 г. Августа 21 д. № 293.
Ксаломущинъ Аношонтъ Благодѣловъ.

Запись о рождении Юрия в Метрической книге Петропавловской церкви Миасского завода

Впрочем, вспоминается, что иногда в большом, не ярко освещенном помещении мне иногда совали в рот какое-то сладкое питье и что-то хрустящее. Очевидно, я должен быть благодарен отцу, который, говорят, запретил домашним посвящать меня в таинства религии, сказав: «Вырастет, сам выберет себе веру». И я выбрал, став **атеистом**. Вначале стихийным, затем, познав азы мироздания, где не обнаружил места для богов – **убежденным**. Для ясности надо пояснить, что атеист не означает «безбожник». Атеист не признает существования богов в **физическом** мире, в нем действуют только законы природы. Однако он допускает, как неизбежность, их наличие в сознании верующих людей.

Воспоминания раннего детства связаны исключительно с Миасским заводом. Вполне ясно и сейчас я зримо представляю его центральную часть близ заводской плотины. С его северной стороны на возвышенности стоит Петропавловская церковь (впоследствии, говорят, снесена). По южную сторону плотины, сразу за ней и немного вправо, находился дом Сементовских.

Он располагался на склоне горы, каменный, одноэтажный, но с высоким цоколем, по фасаду семь окон и декоративный балкончик в середине (ныне отсутствует). А в расположенную на задах кухню приходилось еще подниматься по крутой лестнице. Двор

имел значительный уклон вперед. В его верхней (задней) части располагались конюшня, каретный сарай с сеновалом, а перед ними – погреб и колодец. С правой стороны дома находился большой и густой сад.

с

**Мария Афанасьевна Сементовская
сыном Юрой в Миассе. 1913 год**

особых

озеро Тургояк, хотя, говорят, меня двухмесячного уже возили по нему на лодке. Только вспоминается одно происшествие по дороге туда, в низине между заводом и железной дорогой: я лежу в «коробке» (плетеный кузов на дрожках), а к нему подъезжает на лошади «дядя Костя» (Константин Николаевич – брат отца), стоя на передке этого экипажа, почему-то оказавшегося отдельно.

Вспоминается и озеро Ильмень, видимое с высоты Чашковской горы (что между заводом и Заповедником на северном берегу этого озера), куда, очевидно, мы иногда ходили. Помню, однажды показывали мне коллекцию минералов, которая, однако, никакого впечатления на меня не произвела.

Следующий жизненный этап – «годы скитаний» – так назвал их отец. Поначалу помню только отрывки. Мы в «коробке» едем по ровной степи с редкими перелесками. Мое внимание привлек привязанный к палке российский (как сказали) флажок. Балуюсь, я его поднимаю кверху, но меня грубо обрывают. Другой сюжет. Сумерки. Пологий спуск в широкую долину. Внизу – огни небольшого городка.

Очевидно, это было летом 1919 года, когда стал откатываться на восток Колчаковский фронт. Священнослужитель Николай Петрович Сементовский, не рискуя испытать перипетии неизвестного будущего, вместе с семьей, как тогда говорили, втихомолку «бежал» на восток в упомянутом «коробке». Остановились в Новониколаевске¹. Отец в это время, отрезанный от Казани фронтом гражданской войны и вынужденный преподавать в Миасской женской гимназии, был эвакуирован вместе с ней в Омск. Лишь потом родители переехали в Новониколаевск, где они, как я считал, «нашли» меня. Эта встреча, весьма сдержанная и сухая, без объятий и поцелуев, произошла в вестибюле большого дома, где в разгороженной шкафами комнате мы, «бежавшие», располагались.

¹ Ныне Новосибирск.

Позднее помнится маленькая комната, в ней рояль у окна, где я жил уже с родителями. Из вещей, исполняемых отцом на рояле, мне особенно нравилась «Буря на Волге», где басовые партии изображают перекаты грома. Когда же я в отсутствие отца попытался воспроизвести эти перекаты, он, внезапно появившись, резко на меня цыкнул. Больше к инструменту я не подходил.

Дом этот был где-то на окраине города, за ним проходила железная дорога, отделенная глубокими оврагами, с водосливными колодцами. Здесь я проводил немало времени. Однажды, как-то оказавшись за городом, я наблюдал похоронную процессию с оркестром, направляющуюся на кладбище. Среди музыкантов увидел отца с большой трубой².

Мать – Мария Афанасьевна (звавшая себя Александровной) – артистка оперы (меццо-сопрано) при случае много ездила с самодеятельными коллективами, брала меня с собой. Из всего мира искусства запомнился только один случай. Идет опера «Борис Годунов» – сцена в корчме. Мать – хозяйка корчмы, а я наблюдаю за всем через «окно» у левой кулисы, куда должен выпрыгнуть «самозванец» при его разоблачении. И он выпрыгнул, едва не зашибив меня, о чем потом признался матери.

Как мы оказались в Екатеринбурге в 1921 году, я не представляю. Жили мы там на втором этаже шикарного дома с высокими потолками. Двор с хозяйственными постройками и большой сад выходили на берег Исети (с северной стороны). Ниже дома был каменный мост, а ниже моста реку пересекал невысокий бревенчатый водослив. В Исети я однажды ненароком искупался, опрокинувшись с небольшого плотика. После весь день тайком сушился на бывшем сеновале. В другой раз, уже появился лед, толкал по нему перед собой санки, и вдруг нога провалилась под лед! Видимо, инстинкт спас меня: я успел остановиться и, не уменьшая нажима на санки, выбрался назад, на более толстый лед.

Родителей однажды обманули на базаре, а виноват оказался я: и[м] продали кое-как склеенные сапожки (коричневые, красивые), которые в первый же день стали разваливаться. Сколько уж они меня пилили: и я не умею носить обувь, и я не жалею одежду! Сейчас, разумеется, я должен признать, что время было трудное, рубли отцу давались нелегко, но все же было очень обидно за несправедливость.

В нашей большой комнате стоял высокий пустой книжный стеллаж. Мне очень нравилось, забравшись на самый верх, сидеть под потолком, чем-то занимаясь. И вот однажды я отчего-то покачнулся и загремел вниз, на голый пол. Сам я ничего особого не почувствовал, не было и рева, но могу теперь представить, какой ужас перенесли родители. К счастью, этот инцидент обошелся без каких-либо последствий.

---

² Владимир Николаевич Сементовский прекрасно играл на духовых инструментах и фортепиано, этим и зарабатывал на жизнь, когда не находилось другой работы. В Екатеринбурге поначалу работал музыкантом в оркестре оперного театра, потом стал преподавать в советских учебных заведениях.

В Екатеринбурге меня отдали во второй класс школы. Чтобы в нее попасть, нужно было перейти мост, подняться в гору (2–3 квартала) до большой поперечной улицы. Школа стояла на левом, ближнем углу. Достаточно четко помню только один момент: большая комната, сплошь заполненная сидящими ребятами. Где-то в середине сажу и я, ничего не вижу, ничего не слышу и ничего не понимаю.

В этот уральский период я знал и полюбил озеро Тургояк, по праву названное отцом «жемчужиной Южного Урала»³. Жили мы там в одной из деревянных дач Дома отдыха, располагавшегося в районе Малого Крутика. На его территории располагался известный пенёк, расписанный под деда «Седой Урал». За место на даче отец читал для отдыхающих лекции по астрономии со своей зрительной трубой. Эти лекции проходили на тургоякском гравийном пляже, что около истока из озера, в одной из досчатых раздевалок купален. Помню только, что во время одной из таких лекций мы вместе с ровесником – сыном директора Дома

отдыха – дурачились и, бегая вокруг раздевалки, чуть было не сорвали лекцию. Но я не помню, чтобы после этого пришлось выслушать необходимые нравоучения от отца. Я вообще не помню, чтобы между нами велись какие-либо разговоры на отвлеченные темы. Видимо, поэтому и у меня сложился нелюдимый характер, изрядно затруднявший общение с людьми.

Здесь же одно время при нас располагалась колония «малолетних правонарушителей», описанная Л. Сейфуллиной в ее известном произведении⁴.

В Екатеринбурге я пристрастился к чтению приключенческой литературы. Несколько недель подряд ходил в библиотеку-читальню, осваивал «Таинственный остров» Ж. Верна.

Осенью 1924 года мы переехали в Ленинград. Поселились в семье деда – Афанасия Эрастовича Соколова на Каменном острове (1-я Березовая аллея, д. № 1). Дом – двухэтажный, бревенчатый, на четыре семьи, располагался возле трамвайной линии. В школу (3 и 4 классы) почему-то приходилось ходить через всю Петроградскую сторону. А были ли у меня всегда трамвайные деньги, я не знаю. И когда однажды в дождь я промочил ноги, идучи пешком, получил от родителей опять несправедливый нагоняй: нужно беречь обувь, почему не поехал на трамвае?

От школьных наук всего прошедшего времени у меня не осталось никаких воспоминаний. Вероятно, чему-то я и научился. Но что касается грамматики русского языка, то до сих пор я не знаю основные его правила. Тем не менее, затруднений в письме и речи никогда не испытывал, вероятно, инстинктивно понимая строй языка.

Моим понятиям о дружбе и товариществе однажды был нанесен неожиданный удар. На соседнем, Аптекарском, острове были знакомые, сын которых немного постарше меня. Я часто проводил у него время. Возвращаться приходилось по довольно длинному мосту через Невку. Как-то вечером я решил повторить виденный мною опыт поездки «на колбасе»: стоя

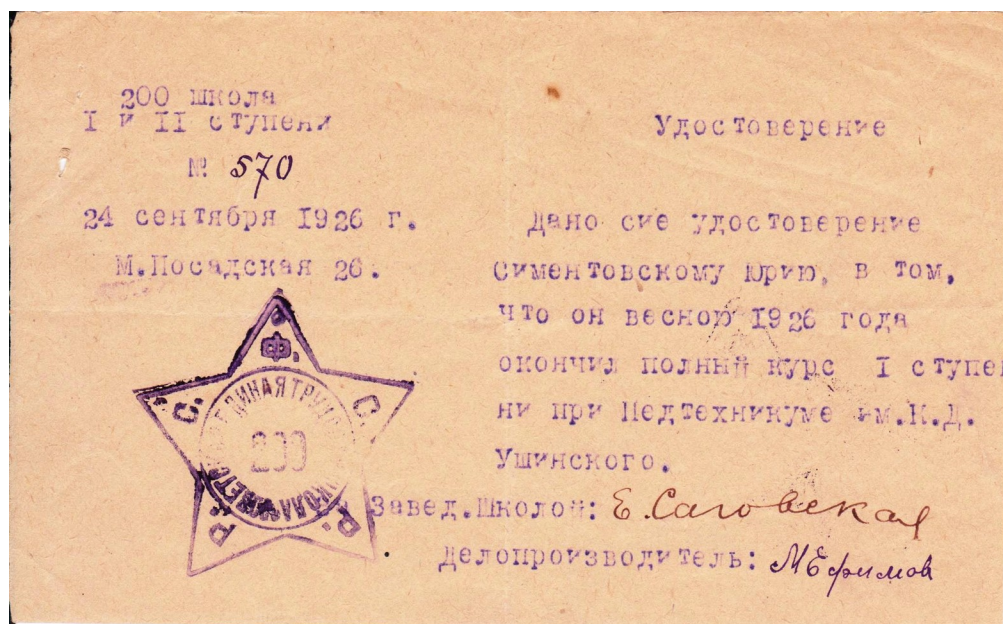
³ Сементовский В. Н. Тургояк. – Казань, 1916. – 60 с.

⁴ 16 июля 1920 года на берегу Тургояка при активной помощи Лидии Николаевны Сейфуллиной (уроженки Троицкого уезда Оренбургской губернии, дочери православного священника-миссионера татарского происхождения) была организована первая на Урале сельскохозяйственная колония для беспризорных детей, описанная в ее повести «Правонарушители» (1922).

на заднем буфере трамвая держаться за свисающий тормозной шланг. Получилось очень просто и удобно! На другой день я рассказал об этом своему товарищу. Каково же было мое удивление, когда он рассказал об этом своим родителям, а те – моим, и я снова получил изрядный нагоняй. И я никак не мог понять в доводах матери, как же этот трамвай мог задавить меня, если я находился сзади его?

Лето 1925 года провели в Петрозаводске – в старом доме Соколовых. Особым событиям здесь явился поход на водопад Кивач. Достигли его на третий день пешего хода от с. Соломенное, что в устье речки, впадающей в Петрозаводскую губу Онежского озера. Водопад, а точнее, водоскат, хорошо обозревался с мостков, его окружающих. Уже ночью сплавились на арендованной лодке по порожиистой речке Сунна, до ж/д станции Кондопога. Я, конечно, всю дорогу проспал.

Лето 1926 года провели в окрестностях г. Луги, где отец исследовал озера и реки района.

Удостоверение об окончании Юрием Сементовским школы № 200 при педтехникуме им. К.Д. Ушинского. Ленинград, 1926 год

КАЗАНЬ

В сентябре 1926 года мы прибыли в Казань. Она стала конечным пунктом «пути скитаний» семьи Сементовских. Вначале я с интересом наблюдал казанскую уличную толчею из углового окна второго этажа гостиницы «Совет». Вскоре мы вселились на постоянное жительство в трехэтажный дом № 20, с орлом и шарами на крыше, на улице Новокомиссариатской, вскоре ставшей Комлева (теперь она Муштари), в квартиру № 1. Вначале занимали небольшую комнату с окном на улицу, а затем перешли в большую, выходящую во двор. Какое-то время спустя к ней присоединилась смежная, с венецианским окном во двор, и возле кухни, в конце длинного коридора, была еще комнатка. Вестибюль дома, с шикарным порталом, был весь отделан мрамором, на стенах когда-то были зеркала.

Под вестибюлем располагалась центральная топка амосовского отопления. От нее нагретый воздух распространялся по трубам, проложенным в боковых капитальных стенах, в прилегающие помещения. Остальные части дома обогревались обычными печами. Центральная топка работала очень редко и плохо. Она поглощала за раз не менее двух кубометров двухметровых плах. Первая топка, после длительного простоя, едва не окончилась для нас летальным исходом. Спаслись только тем, что вовремя проснулись и вовремя покинули загазованное (CO₂) помещение.

«Опытно-показательная школа» № 16, в 5-й класс которой я пошел этой осенью, располагалась в здании бывшего Института «благородных девиц» (ныне здесь Суворовское училище). В последующем школу перевели в отдельное двухэтажное здание – последнее на спуске к ул. Подлужной. В северном пристрое 1-го этажа располагалась школьная столярная мастерская (ранее она была в пятистенке около Варваринской церкви). В мастерской был токарный станок по дереву, несколько верстаков, хороший набор инструментов. Там я освоил начальные приемы столярного дела. Со временем эта мастерская оказалась в полном нашем с Леонидом Черкасовым⁵ распоряжении. Здесь мы с ним сколотили первую фанерную лодку. Однако ее дурацкое описание оказалось фальшивкой: при ее испытании на Казанке эта «лодка» незамедлительно опрокинулась, а весенняя вода была еще довольно холодной.

**Казань, школа № 16, 1927-1928 учебный год. Юрий Сементовский -
2-й справа в 3-м ряду,
Леонид Черкасов - крайний справа во 2-м ряду**

⁵ Леонид Александрович Черкасов (1913–1956) – ближайший друг Юрия Сементовского. Летчик-испытатель Казанского авиационного завода, погиб в испытательном полете 18 января 1956 года. Его именем названа улица в Казани.

Зато потом, года через два, мы построили, уже у Лени дома, двухместную копию настоящей шлюпки. Жил Леня тогда за кладбищем⁶, на далекой окраине города, в доме сельского типа (близ современного ресторана «Акчарлак»)⁷. Эту шлюпку на Казанку мы свободно таскали на плечах. На ней ходили под парусом, а в половодье спокойно вышли в Волгу, вернувшись обратно через протоку, Кабаны и Булак. При этом с трудом пробившись в трубу под железной дорогой, где встречное течение создавало громадные воронки.

Зимой в школе одной из забав было скатываться пластом («на брюхе») с крутых склонов оврагов, которых много было рядом. Тут же я учился кататься и на лыжах.

В мае 1928 года класс участвовал в военизированном выходе. Каждый получил учебную винтовку (с дыркой в казеннике и пяток холостых патронов). А незадолго до этого на уроке химии учительница продемонстрировала нам, как здорово щелкает щепотка смеси бертолетовой соли с красным фосфором. Я загорелся мыслью устроить на выходе «шумовой эффект» и упробил учительницу (молодая, неопытная) отсыпать нам упомянутых реактивов.

Когда вся «война» в оврагах близ теперешнего Азино-2 закончилась, мы перещелкали все свои патроны и собрались на привал в рощице, у будущего кладбища с. Воскресенского. Здесь я вспомнил о своей задумке. Сидя на земле, отсыпал в картонную коробочку оба реактива и стал их активно перемешивать пальцем. И вдруг «пых» – огонь, чернота, боль! Наиболее досталось правой кисти, были обожжены колени, лицо. Глаза спасли очки. На попутной подводе меня доставили в Шамовскую больницу, куда в течение месяца ходил на перевязки⁸. Долгие годы рука оставалась пятнистой.

И теперь я вспомнил, что очки спасают мне глаза уже второй раз. Первый было в Новосибирске. Мальчишки «фехтовали» лучинками. Одна из [них] направлялась прямо в глаз, но, упершись в очковое стекло, отклонилась в щеку.

Летом 1927 г. я впервые увидел Кавказ – Пятигорск, Кисловодск: отец проводил учебную экскурсию с его первой группой геоморфологов из 4-х женщин. Поднимались на Машук. Пешее восхождение на Бештау начали непосредственно от Пятигорска. Вернулись же поездом из Железноводска. Подъем на гору проходил по хорошо проторенным тропам. Центральную вершину опоясывала спиральная, пологая тропа.

Переехав в Кисловодск, много ходили по горам. Посетили «Малое» и «Большое Седло» над парком, «Кольцо-гору» за Подкумком, «Замок коварства и любви» где-то в горах. Однажды застала ночь на горном плато, где пришлось скоротать темное время в примитивной сакле горца, а потом пробираться сквозь облака.

---

⁶ Арское кладбище.

⁷ Этого ресторана уже нет, здание снесено.

⁸ Вот как эта история изложена его матерью М. А. Сементовской в одном из писем к родным: «С Юрой в конце мая случилось происшествие весьма тяжелое, хотя окончилось благополучно. В школе проводится военизация лицами мало знающими химию. И вот на военную экскурсию школы им дали для опытов взрыва смесь красного фосфора и бертолетовой соли. Когда Юра стал смешивать эти вещества пальцем в картонной коробке, произошел страшный взрыв. Ему прожгло одежду, обожгло ноги, взрыв ударил в лицо, сжег даже дочиста одну бровь. Очки закоптили, все лицо стало темным, а глаза спаслись лишь очками, под стеклами кожа осталась белой. Больше всего пострадали руки – они обратились в бесформенную темную массу с пузырями и с глубокими ямами прожогов. Фосфор, разметанный взрывом, продолжал гореть еще в коже. Его привезли за 10 верст на лошади в больницу. После перевязки пришел домой. Но он вытерпел всю адскую боль, лишь потом подошел упадок нервов, и отлеживался с неделю. Процесс залечивания длился 1,5 месяца, и сейчас еще один палец не вполне действует. В[олодя] поднял шум, писал в газетах. По заявлению специалистов эта смесь невероятно взрывчата, ее избегают давать даже студентам, взрывается не только от удара, но и от простого трения. А школа оправдывается тем, что это вещество еще самое безопасное из имевшихся в распоряжении школы».

Кисловодск, скала Лермонтова, 1927 год. Наверху стоит Юра, внизу сидят Владимир Николаевич и Мария Афанасьевна в окружении геоморфологов

В последующие годы побывал в Анапе, Железноводске, Геленджике.

Летом 1930 г. участвовал в качестве наблюдателя в экспедиции отца по барометрической нивелировке в Бугульминском и Бавлинском кантонах (районах) Татарии. На двух конных подводах поочередно (перекатами) проходили маршруты с барометрическими отсчетами на переломных точках рельефа. У каждого из двух наблюдателей на подводе было по два anerоида.

Осенью посетили долгожданный Тургояк. Жили в деревянном доме на приозерной улице возле пруда. Обязательна была лодка – обычная рыбацкая долбленка. Ей я нарастил борта, поставил мачту, и можно было ходить под парусами. Чаще всего посещали Крестовый полуостров, курью Иньшка.

Совершив восхождение на Ильменский хребет, посмотрели на зауральскую равнину с многочисленными

озерами. На западе можно было видеть остроконечную верхушку горы Исыл. Возникшую у меня мысль туда попасть я попытался однажды реализовать. Выйдя из дома пораньше, без карты, шел по интуиции, не сбиваясь с пути. После поворота в районе Иньшки перешел ручей, довольно долго в темпе шел по нагорному лесу. И когда сквозь деревья стал просматриваться все еще не близкий Исыл, повернул обратно. Домой вернулся в сумерках. Посетить Исыл я смог только через ... лет⁹.

Вернувшись в Казань, я с ужасом узнаю, что нашу школу собираются перепрофилировать на педагогический уклон. Какой из меня учитель, когда я не умею (как и сейчас) общаться с ребятами? Я в панике, а Леонид – деловой человек – сразу предлагает путь спасения – перейти в школу № 4 с электротехническим (!) уклоном. Это мы с ним сразу и выполняем, переведясь в 9-й, последний класс школы.

---

⁹ Пропуск в тексте.

9-й класс школы № 4, 1929-1930 учебный год. Леонид Черкасов - крайний слева во 2-м ряду, Юрий Сементовский - 2-й справа в 3-м ряду

Школа № 4 располагалась тогда на ул. Кооперативной (позднее Куйбышева, а ныне Пушкина) у Ленинского сада в здании, где теперь музыкальный факультет Педагогического института. Постоянный ток здесь был пройден в 8-м классе. Но это для меня затруднений не представило, так как со слабыми токами я был знаком в процессе своего радиолюбительского увлечения, впрочем, мало успешного, поскольку детекторные приемники еще кое-как работали, а с ламповыми ничего толком не получилось.

Переменный ток в 9-м классе проходили по учебнику Генселя и Угримова. Да с переменным током у меня и раньше уже состоялось близкое знакомство: перелезая по разновысоким крышам при установке радиоантенны, я использовал в качестве лесенки электроизоляторы городской телефонной проводки. Однажды неудачно схватился за две фазы и был сшиблен вниз. К счастью, тогда линейное (межфазное) напряжение в сети было 220 вольт (теперь 380), иначе не писать бы мне этих строк – обошлось небольшими ожогами на руках.

Практику проходили на электростанции имени (кажется) «трехлетия ТАССР», которая стояла на месте теперешнего театра Камала. Там работал генератор мощностью 3000 киловатт, обеспечивающий всю Казань. Были мы в лаборатории по проверке счетчиков, ходили с мастерами по установке счетчиков. В итоге получили знания по электротехнике, достаточные для обслуживания бытовых и лабораторных электроустановок трехфазного тока. И когда, например, в КФАН¹⁰ потребовалось подключить к городской сети 220/127 рентгеновскую установку, рассчитанную на стандарт 380/220, я предложил схему соединения звездой трех трансформаторов, обеспечившую эту задачу.

---

¹⁰ Казанский филиал Академии наук СССР, открывшийся в 1946 году.

В июне 1931 года вместе с Леонидом принимал участие в Свяжской кругосветке, организованной отцом на университетском ялике. Затем участвовал в топосъемке участка разведки Акинского месторождения известняков, проводившейся отцом.

В конце лета последний раз побывал на Тургояке, куда приезжал из Красноярска и Константин Николаевич¹¹ с Антониной Петровной¹².

Осенью же для меня началась совершенно новая жизнь: меня поступили в Университет. Поскольку у меня не определились конкретные интересы в области естественных наук, все сделал отец. Именно он определил меня в геологи, я, кажется, даже и заявления не писал, не пришлось сдавать и экзаменов как его сыну – такая тогда была протекция.

Учеба в университете (группа № 31 – минералоги) началась с эксперимента над нами – студентами: испытывался так называемый «бригадный метод». На экзаменах нас рассаживали по бригадам, по 4 человека. Мы коллективно обсуждали заданный вопрос. Отвечал один (любой), оценки же ставились всем одинаковые!

Только со второго полугодия, в 1932 г. начались нормальные экзамены. И первый же вопрос на первом экзамене по динамической геологии меня огорошил: «Что такое стратовулканы?» А я ни бе ни ме – о таких слышу впервые. В аналогичном положении оказался и сосед – Н. Зувев, он не знал, что такое литоральная зона. Н. П. Герасимов предлагает отвечать мне. Этот вопрос я знал на отлично, и в итоге получил четверку.

Чуть было не оконфузился я с почвоведением. На лекции (М. Г. Винокуров) что-то упустил и никак не мог понять, что такое почвенный поглощающий комплекс. Накануне (или в день?) экзамена залез с учебником на чердак, сел у слухового окна и проштудировал как следует учебник. Сдал на отлично. Но за это поплатился болезнью – там был сквозняк.

С первого года пребывания в университете пошла и другая учеба. Уже в январе 1932 года нашу группу отправили в Марийскую АССР на лесо/дровозаготовки. Снега – по пояс, одежда – городская, к счастью, не было обморожений и иных травм. Основное, что удручало, – питание – сплошные сухие ржаные макароны. Но валить и разделять деревья нас там научили.

Последующая (сентябрь 1933 г.) поездка в леса Тетюшского района прошла без проблем. Выезжать приходилось и на уборку урожая.

---

¹¹ Брат отца Константин Николаевич Сементовский (1887–1966), зав. кафедрой иностранных языков Красноярского медицинского института, один из основоположников музыкального образования в Красноярске, лектор Красноярской филармонии, краевед.

¹² Антонина Петровна Сементовская (в первом браке Шадрина), жена и коллега К. Н. Сементовского.

**Друзья В. Славин, А. Васильев, Ю. Сементовский на военных сборах.
Август 1933 года**

В феврале началась и моя военная служба. В университете была военная кафедра, готовили артиллеристов. Нас, «строевиков» всего курса, собрали на 10-дневный учебный сбор. Обмундировали как положено и принялись обучать необходимым премудростям. Как выяснилось, при появлении старшего командира полагалось вставать, гимнастерку под тугим ремнем нужно заправлять без единой складочки. Особого внимания требовала заправка портянок, что не всегда получалось удачно. И до сих пор я не могу понять, что значит «не тяни ногу» в строю и как этого избежать? А все это было только начало военной службы...

Группа студентов геологического факультета Казанского университета.

В центре профессор Л. М. Миропольский. Юрий Сементовский - второй слева в верхнем ряду, прямо перед ним - его жена Агния Сементовская (Кузнецова). 1935 год